

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ОБСУЖДЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА «ГРАММАТИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА»

3—4 февраля 1955 г. на расширенном заседании Секции русского языка Ученого совета Института языкознания АН СССР состоялось обсуждение «Грамматики русского языка» (т. II — Синтаксис, М., Изд во АН СССР, 1954: ч. I — 704 стр.; II — 444 стр.). На заседании, кроме языковедов Москвы, присутствовали представители высших учебных заведений Ленинграда, Горького, Калинин, Куйбышева, Одессы, Харькова, Калуги, Шуи, Костромы, Курска, Иванова и других городов страны, всего свыше 400 человек.

Открывая заседание, проф. С. И. Котков отметил, что создание академической «Грамматики русского языка» явилось значительным событием в научной жизни нашей страны и вызвало большой интерес в кругах советской общественности и за рубежом. Завершение этого капитального труда свидетельствует об успехах отечественного языкознания. Указав на несомненную пользу, которую принесло обсуждение первого тома Грамматики коллективу составителей и Институту языкознания в целом, С. И. Котков подчеркнул важность широкого и всестороннего обсуждения второго тома, так как только такое обсуждение может способствовать развитию грамматической теории, улучшению работы советских языковедов и подготовке новых капитальных трудов.

С докладом об основных принципах русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» АН СССР выступил акад. В. В. Виноградов. Докладчик рассказал о тех сложных задачах, которые стояли перед составителями второго тома Грамматики, о трудностях, которые приходилось преодолевать авторскому коллективу. Подчеркнув, что синтаксис, несмотря на возросший интерес к нему в последние десятилетия, все еще продолжает оставаться самым неразработанным отделом грамматики русского языка, В. В. Виноградов остановился на том, как определялись основные синтаксические понятия в русской традиции. Свое внимание докладчик сосредоточил на проблеме словосочетания, на противоречиях, которые наблюдаются в построении разных систем синтаксиса, на том, как понимали взаимоотношение между словом и словосочетанием, между словосочетанием и предложением многие языковеды. В. В. Виноградов указал, что составители академического «Синтаксиса» стремились избежать, с одной стороны, смещения грамматики с семантикой и, с другой, слишком резкого отграничения природы слова как готового языкового элемента от природы словосочетания, как свободного произведения в процессе речи (что наблюдалось, например, в концепции проф. А. И. Смирницкого)¹, а также и смещения синтаксиса словосочетания и синтаксиса предложения (Клемесевич, Шмилауэр, в русской традиции — Ф. Ф. Фортунатов)².

Грамматические законы сложно переплетаются в синтаксисе словосочетания с законами семантическими. Наряду с существованием сочетаний слов, определяемых структурой соответствующих частей речи, есть такого рода сочетания слов, которые обусловлены наличием семантических групп. Эти группы могут быть присущи отдельным частям речи, но могут охватывать и основные семантические или словообразовательные отношения групп слов, принадлежащих к разным частям речи. Выделение такого рода семантических групп в их внутренних связях, в их тесных взаимодействиях и соотношениях — дело не легкое. Поэтому, сказал В. В. Виноградов, при практическом осуществлении этого замысла мы столкнулись с целым рядом трудностей

¹ См.: А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, О курсе «Общее языкознание». ВЯ, 1953, № 4, стр. 77; А. И. Смирницкий, Объективность существования языка..., [М], 1954, стр. 22, 18, 16.

² См.: Z. Klemensiewicz, Skupienia czyli syntaktyczne grupy wyrazowe, Kraków, 1948; V. Šmilauer, Novo-ěská skladba, Praha, 1947; Ф. Фортунатов о в. О преподавании грамматики русского языка в средней школе, РФВ, 1905, № 2, стр. 69.

и полностью их не преодолели. Так, сама классификация семантических групп сделана иногда по слишком общим признакам; очень трудно было избежать непоследовательностей такого рода, когда в рамках словосочетания рассматриваются конструкции, связанные со структурой предложения (см. анализ сочетания *людьми даются* в предложении *Чины людьми даются*; часть I, стр. 136), и т. п. Однако, по мнению В. В. Виноградова, сама постановка проблемы словосочетания в такой плоскости, когда учитывается взаимодействие грамматических и семантических процессов, — здоровое зерно, которое затем должно лечь в основу целого ряда более глубоких исследований, посвященных проблеме словосочетания. Определяя словосочетания как номинативное средство языка и исключая из их анализа предикативные единицы, следовало бы более подробно и глубоко рассмотреть предикативность как категорию, определяющую предложение. Однако анализа своеобразия выражения предикативности в академическом «Синтаксисе» нет, и в этом отношении теория предложения оторвана от теории словосочетания, а теоретические положения «Введения» оказываются практически не реализованными в главах, посвященных учению о предложении. Составители Грамматики не смогли показать также, как разные формы и типы словосочетания включаются в структуру предложения.

Выделив шесть проблем, которые стоят перед исследователями сложных предложений¹, В. В. Виноградов отметил, что вопрос о сложном предложении еще не нашел всестороннего освещения в «Синтаксисе». В заключение В. В. Виноградов подчеркнул, что в первом опыте нового построения Грамматики трудно было избежать влияния традиции, с одной стороны, и некоторой внутренней непоследовательности в осуществлении всех замыслов, с другой. Тем более, что материал для «Синтаксиса» собирался в разное время и самый план построения «Синтаксиса» менялся по мере того, как подготавливался материал.

В обсуждении второго тома Грамматики приняли участие (в порядке следования выступлений): проф. В. П. Сухотин (Ин-т языкознания АН СССР), доц. Ю. Р. Гельцер (Харьковский пед. ин-т), проф. Т. А. Бертагаев (Ин-т языкознания АН СССР), ст. преп. Е. Ф. Скобликова (Куйбышевский пед. ин-т), доц. И. А. Попова (МГУ), ассист. В. Ф. Иванова (ЛГУ), проф. Е. М. Галкина-Федорук (МГУ), доц. Н. А. Широкова (Казанский ун-т), доц. В. А. Метлина (МГПИ им. В. И. Ленина), проф. А. И. Зарецкий (Курский пед. ин-т), проф. Т. П. Ломтев (МГУ), Г. П. Торсуев (докторант Ин-та языкознания АН СССР), проф. С. Е. Крючков (МГПИ им. В. И. Ленина), проф. П. С. Кузнецов (МГУ), доц. А. С. Пестова (Костромской пед. ин-т), доц. И. А. Калинин (Горьковский пед. ин-т), доц. В. П. Воробьев (Саратовский пед. ин-т), проф. В. И. Борковский (Ин-т языкознания АН СССР), ст. преп. В. Е. Федоров (Моск. пед. ин-т иностр. языков), доц. В. И. Тагунова (Муромский пед. ин-т), мл. науч. сотр. Н. И. Тарабасова (Ин-т языкознания АН СССР). Всего 21 чел.

Выступавшие отмечали исключительную актуальность этого издания, говорили о том, что выход в свет Грамматики может быть отнесен к выдающимся событиям советской лингвистической науки. Несмотря на трудности, связанные с серьезным отставанием в разработке синтаксических проблем, авторский коллектив Грамматики представил подробное описание основных типов словосочетаний и предложений современного русского языка и тем самым успешно разрешил поставленные перед ним большие и сложные задачи. Это первый обобщающий труд по синтаксису русского языка, что имеет значение не только для языковедов-руссистов, но также и для составителей описательных грамматик национальных языков.

Значительный интерес представляет в Грамматике разработанное по-новому учение о словосочетании. Именно этот раздел вызвал наибольшее количество откликов и замечаний. У многих выступавших вызвало возражения и сомнения толкование словосочетания как номинативного средства языка, средства обозначения предметов, явлений и процессов, а также как строительного материала для предложения. Так, В. П. Сухотин видит в этом чрезмерное уподобление словосочетания слову и считает, что именно отсюда вытекает и тесная связь учения о словосочетании с учением о частях речи, классификация словосочетаний, по стержневому, грамматически господствующему слову и способность их к формоизменению. В. П. Сухотин считает, что осталось недоказанным основное положение о словосочетании как строительном материале и номинативном средстве обозначения, так как у составителей этого раздела не было возможности показать словосочетания вне использования их в предложении. Чрезмерное сближение словосочетания со словом отметил также и Т. А. Бертагаев.

Присоединилась к высказыванию В. П. Сухотина и Е. Ф. Скобликова, отметившая, что определяющая роль стержневого слова в характере словосочетания несомненно является следствием уподобления словосочетания слову. Е. Ф. Скобликова высказала также сомнение в главной роли стержневого слова в словосочетании. Приведя словосочетания *письмо брата*, *письмо к брату*, *письмо от брата*, Е. Ф. Скобли-

¹ См. В. В. Виноградов, Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» Академии наук СССР, ИАН ОЛЯ, 1954, вып. 6, стр. 504—505.

кова отсюда сделала заключение, что разный характер словосочетаний определяется значением подчиненных элементов: родительный падеж выражает значение принадлежности, дательный — значение адресата, а роль стержневого слова сводится к тому, что его лексическое значение лишь ограничивает круг возможных подчиненных форм.

Роль лексического, а не грамматического значения стержневого слова при образовании круга возможных сочетаний подчеркнул и В. П. Воробьев, который тоже полагает, что словосочетание не является строительным материалом для предложения. П. С. Кузнецов считает, что анализ словосочетания по господствующему слову мало что дает для грамматики, что такой анализ целесообразен лишь в отношении словосочетаний, которые находятся на пути к фразеологизмам. Непелесообразно также, по его мнению, и исключение предикативных сочетаний из анализа словосочетаний, так как отношения форм в предикативном и атрибутивном сочетаниях остаются одними и теми же.

Т. А. Бертагав отметил, что исключение предикативных сочетаний проведено не всегда последовательно. Так, сославшись на определение Грамматики, в котором сказано, что «члены предложения — это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм словосочетания» (часть I, стр. 88), Т. А. Бертагав отмечает, что в этом определении неясно, почему подлежащее и сказуемое как члены предложения обязаны своим возникновением формам словосочетания, если предикативная связь этих членов предложения должна рассматриваться вне пределов словосочетаний. Отмечалось также, что в Грамматике разделы о словосочетаниях и о предложениях мало связаны. С. Е. Крючков и В. П. Воробьев отметили, что те положения, которые высказаны в главе о словосочетании, в дальнейшем не реализуются. С тем, что в Грамматике не согласован синтаксис словосочетания и предложения, согласился В. И. Борковский.

Выступавшие сделали также ряд частных, конкретных замечаний по разделу о словосочетании. Так, В. П. Сухотин полагает, что словосочетания по структурно-грамматическим признакам целесообразно делить на три группы (именные, глагольные и наречные), а не выделять шесть групп, как это сделано в Грамматике. Н. И. Тарабасова не согласилась с указанием на то, что в языке редко встречаются словосочетания, состоящие из глагола и имени существительного в винительном падеже с предлогом *по*, так как, по ее мнению, дело здесь не в том, насколько редко или часто они встречаются, а в том, что в русском языке ограничена возможность образования подобных словосочетаний. В современном языке предложно-именная часть замыкается определенным кругом слов (*по горло, по колено, по пояс* и т. д., т. е. мерой являющиеся части живого существа). Н. И. Тарабасова указывает, что ограничению употребления конструкций с предлогом *по* способствовал также рост продуктивных сочетаний с предлогом *до* (*мыться до пояса, дорости до стола* и т. д.). К сожалению, эти факты в Грамматике не отмечены, и может создаться представление, что все словосочетания могут образовываться в языке одинаково свободно.

С отрывом теории словосочетания от теории предложения выступавшие связали недостаточную разработанность теории второстепенных членов предложения. В. П. Сухотин указал, что не реализовано теоретическое положение «Введения» о том, что «во второстепенных членах предложения как бы синтезируются, обобщаются по функции те же разнообразные грамматические отношения, которые обнаруживаются между словами в строе словосочетаний» (часть I, стр. 94). В разделе о второстепенных членах предложения лишь повторяется то, что говорилось о словосочетаниях. С. Е. Крючков считает, что последовательное проведение декларативно объявленного тезиса: «члены предложения — это синтаксические категории, возникающие в предложении на основе форм словосочетания» (часть I, стр. 88)—приведет к уничтожению всей системы второстепенных членов предложения. На недостаточность разработки второстепенных членов предложения указывали также и другие выступавшие.

Большое внимание при обсуждении было уделено вопросу разработки сложного предложения в Грамматике. Отмечая, что этот раздел «Синтаксиса» разработан шире, нежели раньше, выступавшие говорили о некоторых противоречиях, отсутствии единого принципа классификации, о недостаточности освещения отдельных, частных вопросов синтаксиса сложного предложения. Так, Н. А. Широкова указывала на то, что классификация сложных предложений проведена по трем принципам одновременно. Часть предложений охарактеризована по их синтаксической функции в соответствии с членами предложения (придаточные подлежащие, сказуемые, дополнительные и т. д.); наряду с ними даны придаточные сравнительные и сопоставительные, выделенные по характеру выражаемых отношений; наконец, выделена группа предложений, отношения между частями которых выражены с помощью лексико-синтаксических средств, т. е. здесь принят во внимание способ взаимосвязи частей.

С. Е. Крючков указал на непоследовательность проведения в Грамматике принципов, изложенных во «Введении». Так, во «Введении» (часть I, стр. 103) указывалось, что «традиционная аналогия между так называемыми придаточными предложе-

ниями и членами простого предложения, проводившаяся прежде, а иногда проводимая и теперь с неуклонной и односторонней прямолинейностью, на самом деле может иметь лишь очень ограниченное и условное применение; между тем в основных главах Грамматики такая классификация имеет место. В. П. Воробьев высказал пожелание, чтобы составители Грамматики раскрыли свой принцип классификации придаточных предложений. И. А. Калинин считает, что если в основу классификации положить «те синтаксические функции, которые выполняет придаточное предложение по отношению к главному» (часть II, стр. 270), то придаточные подлежащие, сказуемые, дополнительные и определительные следует объединить в одну группу придаточных изъяснительных.

Противоречивой оказалась разработка некоторых вопросов уже внутри глав раздела о сложном предложении. Так, С. Е. Крючков и В. Ф. Иванова указали, что вопреки определению придаточных подлежащих как таких предложений, которые раскрывают содержание подлежащего, выраженного в главном предложении местоимением, в § 1442 они определяются как дополняющие придаточные предложения, когда в главном имеется указательное местоимение *это* даже в роли подлежащего. Например: «Что она несчастна, горда, самолюбива, скрытна, а главное, несчастна, — это для меня не подлежит сомнению» (Тургенев, *Новь*). С. Е. Крючков указывает также, что конструкция, определяемая во «Введении» как конструкция со взаимным подчинением (часть I, стр. 101), рассматривается далее то как один из видов сложноподчиненного предложения с придаточным временным, то среди сложных предложений, в которых отношения между частями выражены лексико-синтаксическими средствами. Н. А. Широкова отметила, что в группе сложноподчиненных с придаточными сопоставительными (§ 1535) объединены различные типы предложений. Предложения с союзами *тогда как*, *между тем как* ближе к сочинению, чем к подчинению. В. А. Метлина указала, что главное предложение при придаточном подлежащем то безоговорочно определяется в Грамматике как безличное, то рассматривается как неполное. Е. Ф. Скобликова и И. А. Калинин считают, что главное предложение при придаточном подлежащем нельзя считать безличным, так как это противоречит обычному представлению о безличных предложениях как не допускающих никакой возможности для постановки вопросов именительного падежа.

Отсутствием твердых теоретических установок при изложении нового толкования некоторых типов придаточных как придаточных части объясняется, по мнению В. А. Метлиной, неточностью отграничения этих предложений от придаточных дополнительных, цели и т. п. Н. А. Широкова отметила даже случаи, когда один и тот же пример дается в § 1532 для иллюстрации придаточных сравнительных, а в § 1570 — для иллюстрации придаточных части [«Мы втроем начали беседовать, как будто век были знакомы» (Пушкин, *Станционный смотритель*)]. Отсутствием четкого определения понятия присоединения И. А. Попова объяснила то, что к присоединительным предложениям отнесены такие предложения, которые уже традиционно и закономерно называются относительно-подчинительными, что подчеркивает их своеобразную структуру. Например: *В аудитории очень много народу, что всех очень порадовало*. То, что подобного рода предложения незаконмерно отнесены к присоединительным, отметила и Н. А. Широкова. Термин «предложения присоединительного типа», сказала Н. А. Широкова, не подходит также и для группы бессоюзных предложений, описанной в § 1610, так как здесь явно выражена пояснительная связь лишь с опущением промежуточных звеньев. Этот термин можно отнести лишь к группе бессоюзных предложений, дающих дополнительные замечания к предыдущему (см. § 1611).

Ряд критических замечаний вызвало у выступавших определение союзов и союзных слов. С. Е. Крючков считает, что в Грамматике некоторые союзы названы союзными словами и, наоборот, некоторые союзные слова названы союзами. Например: «Да только те цветы Совсем не то, что ты...» (Крылов, *Василек*): *Алоэ — то же (самое), что столетник*. Эти примеры даны в § 1452 для иллюстрации таких случаев, когда сказуемое главного предложения выражено местоимением *то, то же (самое)*, а придаточное, раскрывая содержание этих местоимений, связывается с главным при помощи союзного слова *что*. С. Е. Крючков считает, что здесь не союзное слово, а союз. С другой стороны, в § 1474 союзные слова *куда* и *откуда* названы союзами.

Предметом обсуждения явился также вопрос о классификации и описании односоставных предложений. Так, возражения со стороны Т. А. Бертагаева, Е. М. Галкиной-Федорук, И. А. Поповой и В. Ф. Ивановой вызвало то обстоятельство, что среди односоставных предложений не выделены определительно-личные предложения типа *Люблю тебя, Петра творенье...* Они отнесены в Грамматике к двусоставным и при этом полным (!) предложениям. В связи с непризванием определительно-личных предложений как односоставных, считает В. Ф. Иванова, убедительно дана классификация слов-предложений. К словам-предложениям отнесены, например, такие определительно-личные предложения: *Прощай, дом! Прощай, старая жизнь!* (§ 1119). Такие предложения могут быть и распространяемыми. В. Ф. Иванова предполагает, что неправильно определять действие, обозначаемое главным членом неопределенно-личных предложений, как

«действие, совершаемое неопределенными (т. е. необозначенными) лицами» (§ 989). Добавление в скобках («необозначенными») — не синоним в данном случае и не уточнитель. Такое определение противоречит сути и термину неопределенно-личных предложений. Необозначенным бывает субъект, действующее лицо в неполных предложениях, а здесь — лишь своеобразное его выражение.

Н. А. Широкова отметила, что в самой классификации односоставных предложений отсутствует единый принцип: по смысловому принципу выделены безличные, неопределенно-личные, обобщенно-личные предложения, а по грамматическому — номинативные и инфинитивные предложения. Среди последних вновь выделены безличные.

Теоретически необоснованным, а потому неубедительным В. Ф. Иванова считает то, что в Грамматике отнесены к разным типам такие предложения, где главный член выражен различными словосочетаниями. Часть безглагольных предложений, когда в сочетании ведущим словом является количественное числительное или существительное с количественным значением, отнесена к номинативным: *Три пограничника; Маса людей; Множество цветов; Куча народу* (§ 1081). Когда же ведущее слово — неопределенно-количественное числительное или существительное с количественным значением (!), то предложение определяется как безличное: *Столько людей; Много цветов; Народу видимо-невидимо* (§ 1039). Особенно неубедительно отнесение к безличным таких предложений, в которых кроме главного члена есть обстоятельство: *В купе много народу?* (§ 1039). В соответствии со всей грамматической традицией такие предложения следовало бы считать неполными двусоставными, где словосочетание *много народу* — подлежащее. Неубедительно, по мнению В. Ф. Ивановой, и отнесение к безличным предложений типа *ишь книг-то, книг* (§ 1042). Еще Потебня считал возможным родительный дополнения при опущенном обозначении количества. Здесь же, как отмечено в самой Грамматике, роль слова с количественным значением выполняет частица *то* (§ 1041, § 1042).

Выступавшие указывали также на отсутствие в обсуждаемом труде определений целого ряда важнейших грамматических понятий и категорий, на введение новых, не всегда оправданных терминов. Так, Е. Ф. Скобликова и Н. А. Широкова указали, что в Грамматике отсутствует общее определение понятия односоставного и двусоставного предложений. Н. А. Широкова говорила о том, что нет единства в определении сложносочиненного и сложноподчиненного предложений. Так, в отношении сложносочиненного предложения указано, что оно представляет собой структурно-синтаксическое и смысловое единство. В отношении же сложноподчиненного предложения аналогичное указание отсутствует, тогда как здесь этот момент является особенно значимым. При определении сложноподчиненного предложения отмечен характер взаимосвязи частей — момент синтаксического подчинения одного предложения другому. При характеристике же сложносочиненного предложения указание на характер взаимоотношения частей отсутствует. Н. А. Широкова указала также и на отсутствие общего определения понятия сложного предложения. На недостаточность общего определения понятия предложения указал В. Е. Федоров. В этом определении отсутствует указание на то, что в предложении выражаются не только определенное содержание, но и волевые чувства, эмоции.

Большинство выступавших высоко оценили богатый иллюстративный материал книги. Однако было отмечено, что не всегда этот материал распределяется равномерно; в отдельных случаях примеры не подтверждают теоретических положений, в некоторых параграфах материал перегружен, в других — иллюстрации даны не на все случаи, которые описаны.

Так, например, И. А. Попова указала, что для подтверждения не совсем точного самого по себе положения о том, что «полные формы прилагательных в сказуемом употребляются в тех случаях, когда признак приписывается предмету как качество, свойственное ему на всем протяжении существования данного предмета» (§ 592), приводится, например, такая иллюстрация: «Погода несносная, дорога скверная...» (Пушкин, Станционный смотритель). А разве постоянное свойство погоды — быть несносной?

Выступавшие отмечали также, что хотя Грамматика по своей установке является нормативной, в некоторых случаях в ней отсутствует нормативный подход к описываемому явлению и не всегда точно даются стилистические характеристики. Так, например, отметила Е. Ф. Скобликова, при указании на несогласованный характер родов рода названий совершенно нет никаких замечаний относительно условий употребления согласованных или несогласованных форм в названиях населенных пунктов (например, в городе Куйбышеве, в городе Пензе или Пенза, в село Каменка или Каменку).

Неполно, а иногда и неточно устанавливаются условия употребления родительного и винительного падежей при глаголах с отрицанием. Так, ничего не говорится о ряде случаев, в которых возможен только родительный падеж, в том числе о таких случаях, которые вызывают в школьной практике частые стилистические ошибки. Например: *не внушает доверия, не нарушает спокойствия, не составляет секрета,*

не вызывает сомнений и т. д. Как указали Ю. Р. Гепнер и В. И. Борковский, в Грамматике не всегда выделяется отмирающее и парождающееся, не всегда выделены конструкции архаичные и новые, развивающиеся.

Основную часть своего выступления Ю. Р. Гепнер посвятил вопросу о том, как понимается в Грамматике предикативность и модальность. Ю. Р. Гепнер считает, что нужно больше подчеркнуть роль предикативности по сравнению с ролью интонации и разъяснить, кроме того, что имеется в виду на стр. 78 «Введения», когда говорится о том, что «без слов она (интонация) может быть выразительной, но не является содержательной». Может ли быть интонация без слов? Отдельные формулировки, считает Ю. Р. Гепнер, дают повод к отождествлению предикативности и модальности. На стр. 80 «Введения» сказано: «... значение и назначение общей категории предикативности, формирующей предложение, заключается в отнесении содержания предложения к действительности», а на стр. 81: «Отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности — это и есть прежде всего модальное отношение».

Ю. Р. Гепнер предлагает различать модальность языковую и логическую, так как языковая модальность шире. Логика знает только три типа суждений, различаемых по модальности и соответственно выражающих действительность, необходимость и возможность. Грамматическая категория модальности охватывает самые разнообразные по смыслу предложения, она включает в себя и эмоциональную, экспрессивную оценку действительности, чего нет в логике. Поскольку предикативность шире сказуемости, Ю. Р. Гепнер, а также В. Е. Федоров считают, что нужно говорить не о предикативной связи подлежащего и сказуемого в предложении, а о сказуемости.

На частных вопросах синтаксической фонетики остановился Г. П. Торсуев. Несомненно, сказал Г. П. Торсуев, что в обсуждаемом труде более ясно и четко, чем в каких-либо других трудах, поставлены вопросы о роли интонации в структуре предложения, в оформлении предложений. Но вместе с тем в вопросе об интонации есть и неясность, и при подготовке книги ко второму изданию нужно обратить большее внимание на этот вопрос. В Грамматике нет общего определения, что такое интонация, относятся ли к интонации такие явления, как тембр и т. п. Сомнение вызывает положение, высказанное на стр. 41, о том, что «словосочетанию может быть приписана интонация лишь в том смысле, в каком интонация свойственна фразеологической единице типа *железная дорога, яблоко раздора* и т. п. или сложному слову». Вряд ли, считает Г. П. Торсуев, слово даже сложное, может иметь интонацию, не может иметь ее в каком-либо смысле и словосочетание.

На том, насколько полно и последовательно разработаны в Грамматике общетеоретические вопросы, насколько выдержан в ней принцип историзма в широком его понимании, специально остановился в своем выступлении Т. П. Ломтев. Т. П. Ломтев полагает, что в грамматике современного языка не нужны исторические комментарии, но всегда должна быть указана область распространения той или иной конструкции, чтобы историки языка, располагая своим собственным материалом, могли сопоставлять его с современным. Между тем такие указания здесь даются далеко не всегда; нет в Грамматике во многих случаях и сведений, которые могли бы удовлетворить потребностям сравнительного языкознания и сравнительного синтаксиса славянских языков.

Т. П. Ломтев считает, что в Грамматике нет единой, проходящей через всю книгу синтаксической системы: синтаксис словосочетания не связан органически с теорией предложения; синтаксис второстепенных членов предложения и придаточных предложений строятся на разных основах; на разных принципах строятся и описание неполных предложений. В заключение Т. П. Ломтев высказал пожелание, чтобы в печати была открыта дискуссия по проблемам синтаксиса в связи с выходом второго тома Грамматике. Многие из выступавших выражали свое удовлетворение организованным обсуждением.

После выступлений участников заседания было оглашено три отзыва, присланных в письменной форме. Обстоятельный отзыв-рецензию прислала предметная комиссия по современному русскому языку кафедры русского языка Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена за подписью председателя комиссии доц. А. Г. Руднева. Как факт большого положительного значения в рецензии отмечается глубокая и новая разработка синтаксиса словосочетания. Основные положения и материал этого раздела не вызвали возражений, хотя отмечено, что авторам «Синтаксиса» не удалось найти правильного места проблеме словосочетания в общей грамматической системе.

Канд. филол. наук Т. Мелина (Киевский ун-т) в своем отзыве касается только одного раздела — «Типы односоставных предложений». Считая, что этот раздел представляет собой первый в наше время опыт наиболее полного, систематического и глубокого рассмотрения различных односоставных конструкций, Т. Мелина отмечает ряд недостатков, которые следовало бы, с ее точки зрения, устроить при переиздании Грамматике (например, отсутствие определенно-личных односоставных предложений и общего определения понятия односоставного предложения, неправоильность рас-

смотрения предложений типа *Мало слов, И на столе и на этажерке много книг как предложений безличных и др.*

В кратком отзыве проф. М. Я. Немировского (Ростов-на-Дону) подчеркивается важность и актуальность опубликования новой академической «Грамматики русского языка». М. Я. Немировский считает, что особенно ценны в «Синтаксисе» теоретическое введение и раздел, посвященный словосочетанию.

В заключительном слове А. Б. Шапиро подвел итоги обсуждения. Он подчеркнул плодотворность проведенной дискуссии и ценность многих внесенных предложений и замечаний. Хочется рассматривать это обсуждение, сказал А. Б. Шапиро, как такой факт, который приведет в дальнейшем не только к улучшению нашего «Синтаксиса», но и вызовет еще ряд плодотворных дискуссий и споров.

А. Б. Шапиро отметил, что из общетеоретических вопросов более всего привлекла внимание проблема словосочетания, и это закономерно. В «Синтаксисе» сделана попытка подойти к проблеме словосочетания очень серьезно, с аргументацией новых теоретических установок, на большом конкретном материале. Многие замечания выступавших говорят о том, что здесь еще есть над чем подумать. А. Б. Шапиро согласился, что вопросы, касающиеся предикативности, модальности, интонации, также нуждаются в дальнейшем исследовании. А. Б. Шапиро полагает, что в синтаксисе современного языка невозможно дать материал, удовлетворяющий в равной мере и историка языка, и лиц, занимающихся сравнительной грамматикой. Здесь должен быть только хорошо обработанный материал современного русского языка. Касаясь указанных выступавшими расхождений «Введения» и основной части «Синтаксиса», в большей степени сохраняющей традицию, чем «Введение», А. Б. Шапиро отметил, что в ряде случаев это было сделано сознательно, так как во «Введении» дан ряд новых идей, новых мыслей, нуждающихся еще в обосновании и проверке на большом материале. Остановившись на указанных выступавшими противоречиях основной части «Синтаксиса», его отдельных глав и параграфов, А. Б. Шапиро признал подавляющее большинство замечаний правильными и отметил желательность большего их количества для улучшения текста Грамматики.

В заключение А. Б. Шапиро выразил благодарность выступавшим и просил сообщать в Сектор русского литературного языка Института языкознания АН СССР о всех недостатках Грамматики, которые будут замечены в дальнейшем. Это значительно поможет улучшению и совершенствованию «Грамматики русского языка» при ее переработке и переиздании.